

Н. Ф. Алефиренко

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОБЛЕМЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА**

1.1. Проблема языкового кодирования и декодирования информации. Исходным в разработке проблемы объективации концептов в языке и речи является положение о том, что на определенном этапе познания действительности система мышления и система языка рассматриваются как два взаимно предполагающих и дополняющих друг друга кода¹.

По утверждению С. Д. Кацнельсона, "система мышления дублируется системой языка, которая, повторяя основные структурные особенности первой системы, вместе с тем существенно отличается от нее"². Принципиально соглашаясь с этим суждением, полагаем, что некоторые его составляющие нуждаются в обоснованиях. Прежде всего, как нам представляется, система языка не столько дублирует систему мышления, сколько находится с ней в отношении *функционального дополнения*. С одной стороны, мышление, будучи способом получения и организации знания, для отображения действительности нуждается в необходимых для этого опосредствующих знаковых системах. Дело в том, что в процессе мышления действительность отображается в мозгу посредством знаков (в современной психологии, вслед за Ж. Пиаже, А. Валлоном и Л. С. Выготским, мышление рассматривается как знаковый дериват внешней – предметной – деятельности), а сам мыслительный процесс осуществляется в виде чередования образов знаков, кодирующих образы познаваемых объектов. Наиболее совершенным и поэтому важнейшим знаковым опосредователем мышления является язык. С другой стороны, на высших стадиях мышления (на стадии понятийного мышления) система языка обеспечивает механизмы сознания категориями элементарного мышления, без которых невозможен не только процесс понимания речи, но и процесс формирования мысли. Процесс категоризации, заключающийся, по определению Н. Н. Болдырева, в делении мира на категории и отнесении конкретных предметов и событий к этим категориям, является важнейшей функцией человеческого сознания, лежащей в основе познавательной деятельности человека. При этом одним из основных инструментов познания, и категоризации в том числе, является язык³. Как система систем (фонологической,

лексической, грамматической), язык, являясь сложным кодовым образованием, позволяет индивиду абстрактно и внеситуативно анализировать познаваемые объекты и выражать их признаки, свойства и отношения, и при этом не только подводить предмет под ту или иную категорию, но и определять его значимость в пространственно-временном континууме, ставить в нужные отношения к другим предметам. Итак, назначение единиц языковой системы – обозначая, обобщать знания о предмете номинации, и, абстрагируясь от референта, подводить соответствующие предметы под определенные категории. В итоге слово оказывается не только средством референции, но и, выполняя функцию обобщения (функции денотации и сигнификации), становится “клеточкой мышления”.

Основная задача, которая ставится в данной работе, – эксплицировать некоторые “скрытые” механизмы вербализации мыслительных структур в процессе познания мира. Начнем с того, что в процессе познания (в результате взаимодействия систем восприятия, представления и порождения информации) происходит отражение и воспроизведение в сознании познаваемых фрагментов действительности. Первичным в познании является процесс *восприятия*, представляющий собой систему перцептивных и опознавательных действий, имеющих, по данным Т. П. Зинченко, сложную операциональную структуру: а) обнаружение объекта; б) различение, или собственно восприятие: выделение в объекте отдельных признаков, формирование перцептивного образа; в) идентификация (отождествление объекта с эталоном, записанным в памяти; г) опознание знакомых объектов⁴. Получение, накопление и объективизация знаний о действительности осуществляется при участии соответствующих знаковых систем, важнейшей из которых является язык. При этом мы исходим из того, что познание человеком действительности преследует, по крайней мере, две цели: а) узнавание окружающих объектов и б) понимание связей, в которых они находятся. Узнавание проявляется в виде воспроизведения предмета (явления, действия, ситуации) и его репрезентации – *символического акта создания образа-обозначения*⁵. В единстве выделенные мыслительные действия образуют то, что в современной науке называют когнитивными структурами. Объективной основой узнавания окружающих предметов является их сходство в рамках соотношения единичного и общего. Понимание межпредметных связей опирается на осмысление роли каждого из участников этой связи. Первое предполагает в процессе познания

категоризацию объектов на основе их адгерентных ассоциаций, а второе – их дифференциацию путем выделения ингерентно-ассоциативных признаков тех объектов, которые подводятся под одну и ту же категорию.

Единство ингерентных и адгерентных ассоциаций образует некое целостное смысловое образование, именуемое в исследованиях последних лет концептом, являющимся источником семантической структуры языкового знака, которая формируется в процессе языковой объективации концепта. Средствами такой объективации могут выступать слово, фразеологизм, словосочетание, структурная схема предложения и даже текст, если в нем раскрывается сущность какого-либо концепта. Чаще всего в современной когнитивной лингвистике в качестве средств вербализации концептов рассматриваются слово и фразеологизм. Синтаксические концепты впервые обстоятельно исследуются Г. Я. Волохиной и Э. Д. Поповой. И все же наиболее рельефно проблема вербализации концептов вырисовывается в процессе исследования их объективации словесными знаками.

1.2. *Синергетика концепта и слова.* Проблема соотношения концепта и словесного знака обусловлена, как нам представляется, синергетикой речемыслительной деятельности. В этом плане впечатляет своей философской глубиной формула П. Флоренского: "Слово синергетично". "Слово больше себя самого. И притом, больше – двояко: будучи самим собою, оно вместе с тем есть и субъект познания, и объект познания". Слово представляет собой своеобразный синергетический образ взаимодействия этих двух полюсов, индуцированный в сознании субъекта. Слово порождается в сознании субъекта как интерполент его взаимодействия с объектом. Такое синергетическое двуединство объясняется взаимопредполагающим сосуществованием двух основных речемыслительных категорий – концепта и слова. "В слове уравниваются и приходят к единству две накопившиеся энергии..... Оно не есть уже ни та или другая энергия порознь, ни обе вместе, а новое двуединое энергетическое явление, новая реальность в мире..... Но нельзя сказать: "оно само по себе". Без того или без другого из соединяемых полюсов (без концепта и лексического значения. – Н. А.) оно вовсе не есть". Дело, видимо, в том, что энергетикой обладают и психические процессы (доказано Зигмундом Фрейдом, Пьером Жане и др.), и языковые значения, если под энергией понимать "всеобщее свойство реальности". Принимая это положение, следует согласиться и с тем, что энергия такого рода связана с *источником* и *общим за-*

коном энергетики. Ее источником служит взаимодействие субъекта со средой и субъектно-объектные отношения, а основным законом — закон сохранения, в рамках которого энергетика психических процессов и энергетика языкового значения оказываются взаимопревращаемыми, что и служит основным механизмом смысловой синергетики языкового знака⁶.

1.3. *Концепт и языковое сознание.* Лингвокогнитивное понимание механизма взаимодействия концепта и слова осложнено смысловой неоднозначностью соответствующих терминов. Термин *концепт* и его содержание чаще всего соотносят с латинским *conceptus*. Это приводит к отождествлению концепта с понятием. На уровень когнитивного осмысления концепта как мыслительной структуры, связанной с отражением в сознании первосущности явлений познаваемого мира, выводит его соотношение с паронимичским термином *conceptum*.

При таком понимании концепт — это действительно мыслительный образ достаточно широкого структурного диапазона: (а) по горизонтальной оси — от обобщенных наглядных образов до логических понятий; (б) по оси вертикальной — от поверхностных до глубинных слоев кодирования смысла (с разной степенью его эксплицирования).

В таком его употреблении концепт (как элемент языкового сознания) является первичной оперативной единицей когнитивной семантики — семантический эмбрион, или смысловой ген значения языкового знака, напоминающий *парен*⁷ (вещество без структуры), некий первозданный кисель (метафора В. В. Колесова), служащий "строительным материалом" для всех познавательных структур. Будучи элементами сознания, понятие (*conceptus*) и концепт (*conceptum*) служат смысловым и конструктивным ядром любого концептуального пространства (концептосферы), в том числе и языкового сознания. Это выражается в том, что они замыкают на себе всю систему смысловых координат сознания в его парадигматических, синтагматических и этнокультурных связях.

Для того чтобы понять характер взаимодействия сознания и языка как практического осуществления сознания, необходимо выйти за пределы отдельной человеческой головы, за пределы телесной организации человека в мир его культуры. Действительно, любой речемыслительный акт, хотя и осуществляется нервно-мозговой системой отдельного человека, все же находится в пределах определенного социально-культурного пространства, протекает в рамках соответствующего семантического поля. Во-

лее того, речемыслительный акт становится фактом практического сознания, которое вследствие своего объективирования языком превращается в языковое сознание. Результатом такого превращения (= языковым сознанием) является "совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств"⁸, "выражение состояния сознания в вербальной форме", что предполагает активное "воздействие на сознание с помощью речи"⁹.

Существуют уровневый и полевой принципы структурирования языкового сознания. Достаточно убедительной для многих исследователей является уровневая модель (Ю. Н. Караулов, В. Н. Мейзерский, П. Я. Гальперин, Г. П. Щедровицкий, Г. А. Чупина и др.), в частности та, которая соответствует нашему представлению о механизме вербализации концептов, опирающемуся на кодирование и перекодирование информации с одного кода на другой. В этом отношении заслуживает особого внимания трехуровневая модель языкового сознания, выделяющая в нем: (а) лексико-семантический код (тезаурус), (б) грамматический код (языковую компетенцию, по Н. Хомскому) и (в) коммуникативный код. Согласно полевому принципу в языковом сознании выделяются ядро и периферия. Ядро составляют слова, которые в ассоциативно-вербальной сети объективируют базовые концепты, периферию — различного рода субконцепты.

Возможность рассмотрения языкового сознания как особого когнитивного феномена обусловлена тем, что язык служит эталоном для идентификации познаваемого предмета (или явления) и квалификации его социальной значимости. Из этого вытекает крайне важный для когнитивной семантики вывод: языковое сознание — это *полигон*, а языковые знаки — *средство* для смыслопорождающей деятельности в процессе решения познавательных задач в целях дальнейшего освоения окружающего мира. Дело в том, что, обозначая предмет, слово, по утверждению А. Р. Лурии¹⁰, выделяет в нем соответствующие *свойства*, ставит его в *нужные отношения* к другим предметам, относит его к известным *категориям*.

В целом смыслопорождающая роль знаков как элементов языкового сознания состоит в том, что они являются средством осуществления *интериоризации*, превращения внешнего во внутреннее, то есть "вращения" образов познаваемых (внешних) объектов внутрь нервно-мозговой системы. Суть такого "вращения" заключается в том, что образы внешнего мира, как уже отмечалось, не просто расширяют уже имеющееся культурно-

смысловое пространство, но, что для когнитивной семантики особенно важно, активно воздействуют на ранее сложившуюся понятийную систему, стимулируя тем самым ее развитие. Это, как установил П. К. Анохин, обеспечивает так называемое опережающее отражение. Взаимодействие внешних явлений ("A > B > C > D"), закономерно обнаруживающееся с той или иной периодичностью, отражается в нервно-мозговой системе ("a > b > c > d") со скоростью, превосходящей скорость протекания событий во внешнем мире. Между внешними событиями и аналогами в нервно-мозговой системе человека устанавливается симметричная зависимость:

$$(1) "A > B > C > D"$$

$$(2) "a > b > c > d"$$

Это выражается в том, что воздействие внешнего фактора А из внешнего событийного ряда (1) активизирует всю цепную реакцию внутреннего ряда зависимостей (2), не дожидаясь завершения факторов В, С, D.

В процессе опережающего отражения порождаются новые смысловые элементы, требующие своей локализации в языковом сознании и семиотизации в виде сем семантической структуры языкового знака. Значение языкового знака является, таким образом, выражением специфической формы языкового сознания, в которой фиксируется и представляется культурно-исторический опыт народа.

Язык, таким образом, служит не внешним атрибутом сознания, а объективированным сознанием, способным к опережающему отражению закономерно ожидаемых изменений в познаваемом мире.

¹ Существуют разные определения кода, которые, однако, можно свести к следующему: код — это способ обработки, передачи и хранения информации при помощи некоторой системы элементов (условных обозначений) и правил их комбинации. Кодирование — преобразование информации в код (представление объекта познания в соответствующую конфигурацию условных обозначений согласно правилам, допускающим обратный переход: от конфигурации условных обозначений к представляемому объекту).

² Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления. М., 2001. С. 471.

³ См.: Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2002. С. 66.

⁴ Зинченко В. П. Опознание и кодирование. Л., 1981. С. 8–9.

⁵ Ушакова Т. Н. Природные основания речезыковой способности (анализ раннего речевого развития) // Языковое сознание: Формирование и функционирование. М., 2000. С. 16.

⁶ См. подробнее: Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова: Синергетика языка, сознания и культуры. М., 2002.

⁷ Лат. *ragen* – “рождающий, производящий, создающий, добывающий”.

⁸ Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. С. 26.

⁹ Ушакова Т. Н. Указ. соч. С. 22.

¹⁰ Лурья А. Р. Язык и сознание / Под ред. Е. Д. Хомской. Ростов н/Д, 1998. С. 50.

Н. В. Карлов, Е. Е. Дмитриева, Л. П. Скороварова

**СЛОВО КАК МОЩНОЕ СРЕДСТВО
НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ**

Новая, точнее обновляемая, Россия устами своих лидеров заявляет о поисках национальной идеи, о необходимости национальной самоидентификации. Казалось бы, это должно создавать условия, благоприятствующие появлению серьезных и добротных изданий энциклопедического класса. Но в реальной жизни разрыв между должным и сущим, как правило, велик. Слишком часто мы, будучи погружены в липкую повседневность, забываем то большое, что сделали наши великие предки, вспоминая их славные имена только в годину смертельной опасности. К сожалению, не лишено оснований то мнение, согласно которому смертельно опасные болезни реже поражали бы Россию, если бы мы твердо знали свое прошлое и руководствовались уроками его. Именно поэтому заслуживают всяческого одобрения попытки, особенно попытки удачные, связать воедино прежде разорванное, восстановить “связь времен”, явить настоящему времени живой аромат времени давно прошедшего, показав тем самым, как много полезного для сегодня и завтра может быть найдено во вчера и позавчера. К числу таких попыток относится переиздание “Академического словаря”, впервые увидевшего свет в царствование Екатерины Великой и имеющего свое славное место в истории нашей словесности.

Россия в Екатерининское время триумфально шла по пути построения Великой Империи. Национальная самоидентификация становилась насущно необходимой, и прежде всего потому, что интернациональное властно вламывалось в повседневную, обыденную и интеллектуальную жизнь. Важной частью национального самосознания является национальная наука и самая национальная из всех наук – наука о национальном языке.